

утверждает автор, выступает проявлением диалогичного разума, который, считая возможным идеальное общество коммуникации, и, исходя из эмпирического референта культурного разнообразия, делает ставку на диалог как возможность обоснованного и демократического разума.

Для того, чтобы укрепить автономию латиноамериканских стран в этом диалогичном процессе демократического самопостроения, правительство должно Хорошее правительство – это то правительство, которое отвечает нуждам народа. В этом смысле «Наша Америка» предлагает критерий, с помощью которого можно выделить логику системы правления, которая намерена стать мерой хорошего правительства. «Не выйдет хорошего правителя и не будет хорошего правительства у того, кто, основываясь на логике, производной от капитала, предопределенной применением или угрозой применения силы мировых держав, использует правительство как силу, упорядочивающую народ, находящийся на своей территории, ценой жертв этого народа, ценой его труда и потребления произведенных им благ».

«Наша Америка», подчеркивает Акоста, акцентирует внимание на том, что проблема независимости имеет не столько институциональную природу, сколько ментальную. «Проблема независимости состоит не в преобразовании форм, а в преобразовании мышления» Поэтому, говоря об институциональных преобразованиях, необходимо уделять первостепенное внимание духу институтов.

Дух институтов, которые распространяют мировые державы, служит исключительно их интересам. Изменение духа, который несет «Наша Америка», имеет своей целью порвать с обобществляющей имперской неолиберальной логикой, исходя из которой так называемое расширение свободного мира – это расширение рыночных свобод, свобод, которыми могут наслаждаться лишь победители рынка свободной

конкуренции. «Наша Америка», говорится в статье, предлагает осуществить радикальное преобразование духа: «Нужно объединиться с угнетенными в борьбе за общее дело, чтобы усилить систему, направленную против интересов и привычек управления угнетающих».

Будучи духовной ориентацией, концепт «Наша Америка» инициирует институциональное преобразование, при котором регулирующие рамки жизни в обществе не признают, не предполагают и не допускают разделение на угнетателей и угнетенных. Речь идет о постоянно подтверждающей свое право на существование в созидающей перспективе — универсалистской альтернативе перманентного объединения с угнетаемыми, как способа предотвращения консолидации системы угнетения.

Эта духовная ориентация рассматривается в качестве нового типа рациональности, альтернативного доминирующим логикам господства и угнетения. Она трактуется как рациональность освобождения, которая крайне необходима для того, чтобы нейтрализовать иррациональность господства и угнетения в лице нигилистического и циничного капитализма, принявшего глобальный масштаб в начале XXI века.

В заключение отметим, что дискурсивно-идеологический комплекс новых латиноамериканских левых, представленный концептом «Наша Америка», в значительной степени близок по своим мировоззренческим и политическим установкам набирающей силу левой идеологии в современной России. Российская левая мысль сегодня пытается объединить в единый дискурсивный комплекс марксистскую антикапиталистическую парадигму, критику политики и идеологии неолиберализма, социалистические идеи солидарности и справедливости и так называемую «общенациональную идею», которые, вместе взятые, призваны объединить демократические силы нации в одно целое.

С. Н. Некрасов

СОЦИАЛИЗМ МЕЖДУ ФОРМАЦИЕЙ И ЦИВИЛИЗАЦИЕЙ: ВНЕЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС ИЛИ ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЛОНО ЦИВИЛИЗАЦИИ?

**Некрасов
Станислав Николаевич**

доктор философских наук,
профессор, зав. кафедрой
философии УрГСХА

Перестройка социалистического общества как момент общей мутации постсовременности проводилась под лозунгом возвращения в лоно мировой цивилизации. Культурологи в понимании цивилизации бессильны – необходимо привлечение большого материала из области социальных наук для объяснения нынешнего исторического процесса. То, что мы находимся

в истории не вызывает сомнения – вне истории находится первобытное общество, где действуют естественные природные закономерности.

Понятие цивилизация постигла судьба понятия культура – множество определений. Из всего множества дефиниций можно выделить основные и принципиальные. На наш взгляд, их три: классическое, ценностное, культурологическое. Первое сформировалось в общественном сознании в XVI-XIX вв. и выражено полно Л. Морганом и Ф. Энгельсом – цивилизация выступает у них как этап исторического развития, приходящий на смену родовому строю и достигающий полной зрелости при капитализме. В этом смысле цивилизация знаменует победу производительного принципа над собирательным и присваивающим хозяйством. В этом плане цивилизация, в конечном счете, совпадает с промышленностью, что означает – цивилизация достижима в полностью индустриализованном

обществе.

Для Энгельса цивилизация оказывается той ступенью общественного производства, на которой разделение труда, обмен деятельностью и товарное производство достигают полного расцвета, а значит, производят переворот во всем прежнем (патриархальном) обществе. Натуральное производство все более вытесняется производством на обмен, в результате в обществе разделяются функции владения и распоряжения предметом, пользования предметом – возникает некая «расчлененка» социального процесса. Люди становятся частичными индивидами или социальными функциями отдельных компонентов процесса. Возникает всеобщий антагонизм индивидов и классов в обществе, поскольку удовлетворение личных потребностей идет через общественное распределение. В этом вообще корень эксплуатации человека человеком как важнейший признак цивилизации. Это общество нуждается в особой организации, которая сдерживает непримиримую борьбу «всех против всех» и обеспечивает консенсус. Такая организация получила название государства. По латыни *civitas* и есть государство, *civilis* означает гражданский и государственный. Личность (социальное, общественное) противостоит здесь государственному – второе и есть цивилизация. Очевидно, что в классическом понимании цивилизация представляет собой общество, в котором никто не производит для своего потребления (экономическая компонента), и общество, не могущее заниматься самоуправлением (политическая составляющая).

Ценностное понимание цивилизации характеризует ее как модернистское состояние, приходящее на смену варварству, традиционному аграрному обществу. Идеал цивилизации здесь – «всеобщее правовое гражданское общество» И. Канта. В обществе живут свободные люди, противовесом к которым выступают принудительные государственные законы. Описанное общество совпадает с идеальным образом буржуазного общества в его классической форме британского капитализма, где ценности не реализуются, но декларируются. Гражданское общество Канта является одновременно буржуазным еще по одной причине – в немецком языке буржуазное и гражданское общество звучит идентично: *buergerliche Gesellschaft*.

Однако здесь возникает культурологическое понимание цивилизации, идущее от Н.Я. Данилевского: культурно-исторические типы, развитие которых не может быть сведено к единому идеалу. В XX в. В. Дильтей и О. Шпенглер развили представление о множестве самостоятельных культур, которые в качестве организмов превращаются в особые цивилизации. А. Тойнби всячески избегает давать определение цивилизаций и допускает туманные указания на то, что цивилизация есть фаза в развитии культуры и экивоки, которые создают мифологемы британской империи, а в целом универсальны для любой властной парадигмы. Таким образом, культурологическое понимание цивилизации в отличие от ценностного не является буржуазным, оно просто пустое. Единственным пониманием цивилизации, достойным внимания настоящей науки, является классическое ее определение. О каком же возвращении в лоно цивилизации может идти речь в научном смысле?

Формационный и цивилизационный подходы: цивилизация возвращается в детство

Для ответа на поставленный вопрос следует обратиться к сравнению цивилизационного и формационного подходов

к истории. Известно, что Маркс рассматривал азиатский, античный, феодальный и буржуазный способы производства как прогрессивные эпохи общественно-экономической формации. В эту формацию он не вносит первобытное общество, не включает и коммунизм. Первое является доисторическим обществом, где господствуют естественные законы человеческой социальности – здесь производство как основа историчности человека еще не стало основой жизни людей, а значит, здесь нет способа производства со всеми свойственными ему экономическими законами. Напротив, коммунизм полагается в качестве начала подлинной человеческой истории, где развитие общества подчиняется не законам истории, но воле самих людей («Скачок из царства необходимости в царство свободы»). Ну а дальше ясно – «в царство свободы дорогу грудью проложим себе!». Приведенное понятие формации идентично понятию цивилизации в классическом его понимании. Следовательно, четыре перечисленных способа производства и есть четыре основных этапа развития цивилизации, на вершине которого находится буржуазное общество. Это – апогей цивилизации и даже ее «апофигей».

Очевидно, что между цивилизационным и формационным подходами нет противоречия – речь идет о наведении на резкость и укрупненном видении в случае с цивилизационным подходом. Между ними нет научного противоречия, но действует яркое ценностное противопоставление, когда сторонники ценностного подхода не желают признавать наличие внутри цивилизации объективных исторических законов смены способа производства. Обратимся к Марксу. Он не включает социализм в свой список, но вносит в него понятие азиатского способа производства. Получается, что азиатский способ находится в рамках экономической общественной формации, однако он отличается от иных стадий цивилизации степенью зрелости. В нем нет развитого рынка (есть восточные шумные базары), нет свободы предпринимательской деятельности (какой ужас!), нет правового состояния общества (шах с кадиями судит спорщиков). Социализм также обладает всеми цивилизационными признаками, однако некоторые признаки он имеет в гипертрофированной форме – это что-то вроде сверхцивилизации. Таковыми выступают проклятая либералами тяга социализма к производству ради производства, экономия на потребительских фондах, абсолютизация промышленного производства и производства средств производства вместо производства предметов потребления, бюрократический формализм, заорганизованность и всеобщая забота (полный ужас был, когда милиция занималась всеми тунеядцами и вместе с поэтами подчищала в ЛТП алкоголиков, не предоставляя человеку законное буржуазное право на глупость).

Социализм, следовательно, является периодом кризиса цивилизации как таковой – это гипертрофия цивилизационных усилий по наведению порядка в обществе, а значит, гибель социализма означает одновременный закат всей цивилизации – крах периода цивилизационного развития общества как такового. Спусковым крючком заката цивилизации является социалистический кризис, поэтому переход цивилизации в состояние постсовременности и есть гибель цивилизационного периода развития человечества. Кризис социализма разрешился не переходом к новой и более прогрессивной общественной формации, но кризис привел к возвращению, реставрации прошлого: цивилизация достигла в лице социализма своей

вершины, а с вершины есть только один путь – вниз.

Похоже, что цивилизационный подход не способен объяснить крах социализма как такового и это происходит благодаря тому, что произошло прекращение естественно-исторического типа социальной эволюции через революции, прекращение цивилизации. Цивилизация в облике социализма изжила себя. Однако продолжение прогрессивного развития человеческого общества означает не конец истории как таковой, но завершение линейного развития и переход к спиральному движению с элементами прошлого. Впереди у человечества повторение пройденного. Именно поэтому формационный подход сегодня актуален как никогда – в будущих состояниях общества он позволяет угадать черты предшествующих стадий развития.

Нынешнее буржуазное общество в его классической форме выигрывает у социализма вследствие недоразвитости его до социализма как сверхцивилизации – в капитализме не хватает сверхиндустриализма и остается место для развития частной инициативы и информационного управления. В истории эволюции жизни на земле происходят регулярные катастрофы (и вовсе не в духе Кювье): специализированные и более сложные формы погибают, а упрощенные и менее специализированные находят новую нишу и выживают. Но резервы капитализма на исходе и рыночная регуляция не позволяет уже столь быстро мутировать – остается главный резерв античеловеческая глобализация на основе ограничения индустриализма как основы цивилизации! Цивилизация рубит сук, на котором сидит. Господство частной собственности не позволяет освободить индивидуальное и общественное от взаимных ограничивающих обятий и не дает развиваться двум началам экономики.

Резервы цивилизации исчерпаны: находящееся в ее рамках социализм и капитализм не могут решить своих проблем, не покинув материнское лоно цивилизации. Это означает крах социализма и капитализма. Подобно заключенному в сталинском лагере, современный капитализм уже сказал социализму: «Умри ты сегодня, а я завтра!». Социализм и капитализм возвращаются в лоно цивилизации, а сама цивилизация возвращается в свое прошлое – в детство раннего накопления капитала и сверхэксплуатации, рабства на хлопковых плантациях. Кризис Римской империи и ожидание новой ночи Средневековья представляют не самые страшные угрозы распада цивилизационной ткани – впереди борьба всех против всех (как в голливудских антиутопиях, где банды будущего соперничают из-за бочки бензина), уже осуществилась реставрация всеобщего примитивного натурального хозяйства, как в ельцинской России, где большая часть населения использовала «ягодные деньги» и кормилась со своего огорода, не имея цивилизационной инфраструктуры – почты, клуба, фельдшерского пункта, школы, дороги, детского сада. Такова естественная реакция на многовековое господство разделения труда и формирование частного человека-винтика производственной функции. Нынешний человек должен быть готов к исполнению роли «швеца, жнеца и на дуде играющего».

Неизбежность второго рождения социализма: неоантичность

Исходя из того, что социализм уже явился историческим повторением азиатского способа производства (в историческом смысле не надо двух понятий: социализм и азиатский способ – это одно и то же), очевидно предположить, что сменщик

азиатского способа – античный способ производства явится на смену упраздненного социализма. Мы вправе ждать античности полисного периода с присущей ей диалектичностью форм собственности. Синтетическая форма собственности античного полиса объединяла индивидуальную и общественную собственность народа. Однако такое возрождение античности возможно только на основе новейших технологий и возможно на базе отрицания социализма как предельной формы обобществления средств производства. Так как капитализм является еще не предельным способом обобществления средств производства, то возрождение античности (неоантичность) следует приветствовать на почве российского бывшего социализма!

Социализм представляет собой «коммунизм в его первой форме» и выступает как «всеобщая частная собственность», для такого рода коммунизма общность есть лишь общность труда и равенство заработной платы, выплачиваемой общиной как всеобщим капиталистом. Таков портрет реального социализма в СССР и в странах народной демократии. В «Критике Готской программы» этот социализм «сохраняет еще родимые пятна старого общества», из недр которого он вышел. Главный родимым пятном является «узкий горизонт буржуазного права». Здесь капиталистические отношения не уничтожаются, а наоборот, доводятся до крайности, до высшей их точки. Поэтому путь от социализма вперед, к реализации коммунистического общественного идеала не ведет назад – к капитализму, напротив, этот путь проложен в мир синтетического квазиантичного (неоантичного) общественного строя, не выросшего на «навозе рабства».

«Мы будем жить в прекрасном новом мире» и этот новый строй сменит социализм на новом витке истории подобно тому, как ранее на смену азиатскому способу производства пришел античный способ. То, что в СССР и в мировой системе социализма произошла реставрация капиталистического строя еще не свидетельствует о возвращении после краха социализма общества в некое лоно общечеловеческой цивилизации. Социализм – не блудный сын цивилизации, а вырвавшийся вперед лидер социального прогресса, который выводит за пределы цивилизации к повторению формационных периодов прошлого на новой прогрессивной основе. Именно поэтому не имеет смысла говорить в духе цивилизационного подхода о некой единой цивилизации и противопоставлять этот подход формационному.

В новом мире ведущая роль будет принадлежать новым социальным группам, занятым интеллектуальным трудом, а ведущая роль среди интеллектуалов окажется у интеллигенции. Подъем приватизации до индивидуализации, обеспечение каждого условиями производства собственной жизни (собственностью на землю и рабов как у древних греков) позволит обеспечить без обмана реальное наделение каждого собственностью. Эта мечта о собственности для каждого вообще недостижима при господстве рыночной экономики и как лозунг использовалась для обмана многомиллионных масс трудящихся (им обещали, что все станут миллионерами, а в рекламе МММ девочка сообщала, что у нее будет «в-о - о -т такой миллион» и она станет миллионершей). Античное общество обеспечивало всех и это обеспечение счастьем происходило естественным путем для каждого человека (не-человеком считались рабы, женщины, метеки, несобственники).

В новом обществе исчезает зависимость индивидов от закона разделения труда, причем не по-утопически в духе Ш. Фурье и В. Маяковского («землю попашет, попишет стихи»), а естественным путем, как и всевластие денег и рыночной стихии. Здесь возникает простор для реализации личной инициативы, а коммунистический принцип «каждому по его потребностям» реализуется в той мере, в какой средства производства распределяются между людьми по их потребностям для реализации их сущностных сил и способностей. Античная полисная экономика не знала безработицы, люмпенов и страха за существование.

Будущее общество будет строиться на информационных технологиях и средства материального производства не будут занимать решающего места в общественном производстве, а потому у общества не могут возникнуть опасения по поводу наделения отдельных индивидов чрезмерной долей средств материального производства. Это будет безопасно так же, как безопасно сегодня носить с собой электронный кошелек - карточку с энной суммой. Отнять информацию у производителя

невозможно даже в том случае, если она уже продана и куплена. Поэтому победа коммунизма является не предметом политических дискуссий, революций, но самого желания масс, их стремления к коммунистическому общественному самоуправлению.

Новое общество впоследствии мы будем называть синтетическим коммунизмом – синком, или синтетизм. Будут ли люди бороться за синком под руководством синкоммунистической партии России? Время покажет, но на капиталистическом западе синкоммунизм невозможен, поскольку западные страны еще не прошли стадию социалистического полного обобществления. Естественные социальные законы прекращают свое действие и начинается с 2003 г. (как предрекал Заратустра, говоря о стране Водолея) новый «золотой век». На наш взгляд, это квазиантичность (неоантичность) и представляет собой состояние синтетического коммунистического общества, в котором воля и сознание масс начинает играть решающую роль в переустройстве общества.

М. С. Ильченко

НЕ(О)МАРКСИСТСКИЙ ДИСКУРС ЭПОХИ ПОСТМОДЕРНА

Ильченко
Михаил Сергеевич

магистрант факультета
политологии и социологии УрГУ

Утверждения представителей постмодернизма о том, что марксистская теория превратилась в нарратив, ударили по левым даже сильнее, чем те могли себе представить. Они лишили их той среды обитания, которая стала для них привычной в последние несколько десятилетий. Смирившись с невозможностью радикального преобразования общества «позднего» капитализма, левые взяли курс на его всестороннюю и обстоятельную критику. Появившиеся в результате обширные теоретические изыскания марксистов-интеллектуалов долгое время служили колыбелью левой политической мысли, а заодно и пристанищем тех, кого привыкли называть представителями «альтернативной культуры». Постепенно лишаясь всякого влияния на реальную политику, левые, тем не менее, чувствовали себя в таких условиях весьма комфортно. Пусть «теоретический» или «академический», но всё же какой-то «островок свободы» они сохраняли. Вместе с вступлением в дискурсивный «диалог» с постмодернизмом они потеряли и его.

Вряд ли возможно сколько-либо определённо сказать, когда вместо методологии и теории марксизма речь стала идти о марксистской риторике и дискурсивной игре. Очевидно то, что взлёт и необыкновенная популярность постмодернистской философии в западных академических кругах не прошла мимо левых интеллектуалов. В стремлении осознать собственную идентичность традиция так называемого неомарксизма,

отошедшая от принципов ортодоксального марксизма столь же далеко, сколь и от реальной практики, не избежала искушения от обращения к отдельным постмодернистским концепциям. Иллюзию концептуальной близости обоих направлений могла составить их очевидная критическая направленность и неустанный поиск укоренённых в социальной природе механизмов подавления и угнетения. Однако иллюзия продолжалась недолго, и уже вскоре подобные «заигрывания» обошлись левым очень дорого.

При сохранении минимальной приверженности традициям классического марксизма, сама постановка вопроса о его соединении или «взаимодействии» с постмодернизмом представляется абсурдной. Во всех своих базовых методологических установках это две абсолютно разные, а по большинству аспектов – противоположные, мировоззренческие парадигмы. О каких бы то ни было пересечениях между ними речь может идти исключительно на уровне дискурсивной коммуникации. Использование отдельных терминов, заимствование риторики, игра дискурса, принимающая порой причудливые формы, – всё это оказывается возможным лишь в языковом дискурсивном пространстве. Попадая в его границы, представители западного марксизма оказывались на «чужой» территории и начинали играть по «чужим», незнакомым им правилам.

По сути дела, всё взаимодействие постмодернизма и марксизма (если в данном случае вообще уместно говорить о каком-либо «взаимодействии») сводилось к своеобразному «поглощению» последнего бесконечными дискурсивными матрицами. Впечатление о том, что марксистское учение обретает таким образом свою новую жизнь, оказалось обманчивым. Тенденции возникновения подобного рода стихийных синтезов свидетельствовали скорее об обратном – утрате левыми сколько-либо прочной теоретической платформы. Кагарлицкий довольно остро отметил, что в такой ситуации «осколки марксистской